

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

4

Под редакцией
М.П.АЛЕКСЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1 9 5 3

«НОВЫЕ СТРОКИ ИЗ ВТОРОГО ТОМА
«МЕРТВЫХ ДУШ»»

Шелки-атласы платья по сотне и по двести и более, ни одно и «?» не шилось в уезд, ту снарядила» мадам Тун «?» другую мадам Кун «?» третью приехавшая вдруг за одним разом из Лондона из Вены из Парижа к нам — какая-то загадочная Шприц-Флоден-Файк «?».

Шелки-атласы платья по сотне и по двести и более, ни одно и «?» не шилось в уезд, ту снарядила» мадам Тун «?» другую мадам Кун «?» третью приехавшая вдруг за одним разом из Лондона из Вены из Парижа к нам — какая-то загадочная Шприц-Флоден-Файк «?».

Автограф отрывка из второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрича
в Ленинграде.

Шутить как известно не любит наш век, а разом наденет на себя годовое пропитанье 20 семейств, да еще и похвастанет «благотворительностью» припевая роскошь доставляет» хлеб работникам.

Печатается по автографу Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Собрание автографов, К. 6, Н. В. Гоголь, № 7).

Начальная и последняя фразы публикуемого отрывка были напечатаны А. Ф. Бычковым в Отчете имп. Публичной библиотеки за 1892 год, СПб., 1895, стр. 295. Двух средних фраз отрывка, вписанных Гоголем мелким почерком, Бычков, видимо, не разобрал и счел его поэтому ошибочно частью не художественного, а публицистического произведения. В соответствии с этим автограф до сих пор был описан как черновой набросок к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Между тем, как свидетельствует впервые публикуемая средняя часть.

отрывка («ни одно и не шилось в уезд» и т. д.), перед нами черновой набросок повествовательного произведения. Характерные особенности почерка Гоголя последних лет жизни (автограф надо датировать 1849—1851 годами) и самое содержание отрывка не оставляют сомнения в том, что перед нами один из черновых набросков ко второму тому «Мертвых душ», остававшийся до сих пор неизвестным.

Отрывок написан на верхней части листа и составлял продолжение текста, начатого на предыдущих (не дошедших до нас) листах. Он относится, по видимому, к описанию приезда в губернию светской «львицы» Чагравипой (или Черановой в передаче А. О. Смирновой). Л. И. Арнольди вспоминает об этом персонаже второго тома «Мертвых душ»: «... это лицо: эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей их окружающих каким-то великим счастьем; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им незнакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастье было только на минуту, и чрез месяц после первого признания, они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать, в этот раз, еще более чем прежде» (Л. Арнольди. Мое знакомство с Гоголем. «Русский вестник», 1862, № 1, стр. 80).

Н. Г. Чернышевский писал о Гоголе по поводу второго тома «Мертвых душ»: «... каковы бы ни были его ошибки, когда он говорит о предметах для него новых, — но нельзя не признаться, перечитывая уцелевшие главы второго тома „Мертвых душ“, что едва он переходит в близко знакомые ему сферы отношений, которые изображал в первом томе „Мертвых душ“, как талант его является в прежнем своем благородстве, в прежней своей силе и свежести. В уцелевших отрывках есть очень много таких страниц... , которые приводят в восторг своим художественным достоинством, и, что еще важнее, правдивостью и силою благородного негодования» (Полное собрание сочинений, т. III, Гослитиздат, М., 1947, стр. 13). Публикуемые строки из второго тома «Мертвых душ», проникнутые живым негодованием против подражательности и лицемерия дворянского общества, подтверждают глубокую правильность этих слов Чернышевского.

Г. М. Фридлендер